

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Социальная политика 1990-х годов: декларации и реалии (размышления над новой монографией)

Оценивая социальную политику 1990-х гг. и ученые, и публицисты обычно говорят или о ее крайней неэффективности, или даже просто об отсутствии продуманных действий государства в этой сфере. При этом утверждается, что в качестве одной из основных причин, "препятствующих формированию эффективной социальной политики вообще и социальной защиты населения в частности, является упрощенное понимание статуса России как социального государства, закрепленного в Конституцию РФ, и отождествление социального государства с патерналистским государством" [Обзор... 2000, с. 345]. При такой трактовке акцент обычно переносится на проблемы недофинансирования социальной сферы, в чем с критиками реформ согласны и реформаторы, которые полагают, что "реформа социального сектора требует от российского правительства предпринять ряд крупных шагов, направленных на повышение эффективности системы социального обеспечения; вместе с тем такие шаги требуют наличия существенной финансовой поддержки таких преобразований за счет государства, на что государство сегодня явно не способно" [Россия... 2002, с. 569].

Монография "Государственная социальная политика и стратегии выживания домохозяйств", представляет иное, на мой взгляд, гораздо более многомерное видение проблемы¹. В основу работы легли результаты исследований в рамках международного проекта "Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад. 1995–1998": руководитель – профессор Н. Меннинг (Великобритания), руководитель российской части проекта "Социальная политика и политика занятости в России. 1995–1998" – О. Шкаратан, осуществивший и общую редакцию монографии.

Ученые предложили свою выверенную методику исследования социальной политики в российских регионах, позволившую им получить данные, демонстрирующие особенности социальной ситуации Москвы, Санкт-Петербурга и Воронежа. Благодаря этому они смогли, например, разрешить ряд проблем, обусловленных спорностью данных официальной статистики. А на основе большого массива данных, полученных в ходе 480-и углубленных интервью, "удалось уловить некоторые явления и тенденции, которые невозможно было зафиксировать ни статистическими методами, ни методами количественных репрезентативных исследований, ни методом классических интервью на действительно малых выборках" (с. 148). Особо в этой связи хотелось бы

¹ См. "Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств". Под общей редакцией О.И. Шкаратана. М., Государственный университет – Высшая школа экономики, 2003. 463 с.

отметить значение опросов акторов социальной политики, позволивших выявить их типологические особенности, причем в региональном разрезе (см. с. 267–269) и, самое главное, дать материал, по-новому высветивший суть социальной ситуации России.

Именно на этом аспекте содержания монографии хотелось бы сосредоточить основное внимание, опуская здесь характеристику богатейшего материала, касающегося, например, конкретных проблем занятости и путей разрешения на микроуровне, способов выживания домохозяйств в ситуации кризиса занятости одного из членов семьи, ресурсов и уровня жизни домохозяйств, переживающих кризис занятости и т.д.². Важно и то, что данные исследования, наряду с другими, уже используются его авторами и при написании собственных монографий (см., например [Тихонова, 2003]).

В отличие от господствующего мнения об отсутствии в стране осмысленной и последовательной социальной политики или, в крайнем случае, ее неэффективности, авторы монографии, опираясь на данные своего исследования, приходят к иному выводу: "Кажущаяся неэффективность декларируемой социальной политики скрывает ее успешно реализуемые, но не афишируемые цели и механизмы: *социальная стабильность на основе неявного консенсуса власти и населения, который строится на экономике выживания* (курсив мой. – Н.П.)" (с. 443). При этом «основной причиной того, что Россия лишь формально может считаться "социальным государством", и кажущейся фантастической неэффективности осуществляемой в ней социальной политики выступает *имманентное противоречие между формально декларируемыми и реальными целями этой политики* (курсив мой. – Н.П.)» (с. 447).

В книге показано, что в сложившейся в 1990-х гг. ситуации, когда резко ухудшились все показатели уровня и качества жизни всего населения, особенно в провинции, субъектом социальной политики государства стали не столько наиболее обездоленные наши сограждане (пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи, матери-одиночки и т.п.), сколько относительно более благополучные, но гораздо более массовые "срединные" группы, обладающие самоидентификацией и осознанностью интересов, чье положение по сравнению с предшествующим периодом существенно ухудшилось. Именно эти группы наиболее активно выражали недовольство сложившейся ситуацией, и государство, опасаясь общей дестабилизации положения, стремилось выделить имеющиеся у него ресурсы для облегчения их участи. Такую смену акцентов социальной политики авторы считают весьма прагматичной и достаточно рациональной, ибо если у наиболее социально уязвимых слоев нашего общества, по сути, нет средства для действенного отстаивания своих прав, то недовольство и протестный потенциал также оказавшейся в достаточно тяжелой ситуации основной массы населения (тех, кого Т. Заславская относит к базовому слою в современной российской стратификации) представляют серьезную угрозу для стабильности в стране. В результате *de facto* сложился определенный консенсус между властью и основной массой населения, опирающийся на хитроумную модель выживания без денег, обеспечивающуюся «бесплатными или предоставляемыми по символическим ценам услугами, позволяющими хотя бы на самом минимальном уровне поддерживать жизнеобеспечение населения, натурализацией потребления и обмена товарами и услугами на уровне самого населения, возникновении модели "коллективного выживания"» (с. 64).

Такие выводы подтверждают не только приводимые в монографии данные о стратегиях поведения основной массы россиян и их адаптации к сложившейся ситуации. Как показано в книге, и сами акторы социальной политики, отвечая на вопрос о реальной ее сущности, в 40% случаев выделили обеспечение социальной стабильно-

² Также приходится ограничить себя, не уделив должного внимания весьма интересным и содержательным главам монографии, написанным Меннингом и посвященным анализу российской социальной политики в контексте зарубежных концепций и практики, а также социальной защите населения в ельцинской России.

сти, а еще 28% отметили обеспечение интересов элиты, что, по сути, тоже связано с проблемами социальной стабильности в обществе (с. 448).

Разумеется, сложившаяся реальность, демонстрируемая авторами монографии, расходится с классическими представлениями о роли и значении социальной политики в рыночной экономике. Однако она, как показано в книге, вполне закономерна для нашей страны, если учитывать, что социальная политика "неразрывно связана с самим типом социума с его социокультурной системой и должна рассматриваться как одна из интегральных его характеристик, а не просто как комплекс мер социальной защиты слабых" (с. 35). И корни выявленного расхождения декларируемой и реальной социальной политики авторы предлагают искать в сущностных особенностях российского общественного устройства как этакратического, понимаемого как "самостоятельная ступень и в то же время параллельная ветвь исторического развития индустриального общества со своими собственными законами функционирования и развития" (с. 37)³.

За игнорирование этого обстоятельства в книге резко и во многом справедливо критикуются шаги либеральных реформаторов, отмечается, в частности, что при всех декларациях о социально ориентированной экономике "развитие социальной сферы даже не называлось в качестве явной цели реформ" (с. 18). И описываемая в книге модель социальной политики сложилась в условиях, когда в стране, в отличие от большинства государств Центральной и Восточной Европы, "не произошел коренной поворот в сторону конкурентной частнособственнической экономики" (с. 37), а власть строилась "на неустойчивом взаимодействии номенклатурно-чиновничьих и квазибуржуазных олигархических сил" (с. 21). В такой ситуации люди крайне недоверчиво относятся ко всем движениям власти, особенно связанным с попытками покушения на сложившийся консенсус, и слишком боятся потерять то малое, что они сегодня имеют.

Конечно, можно по-разному трактовать причины сложившейся ситуации, видеть их или в субъективных ошибках реформаторов, или в инерции, обусловленной материально-техническим наследием старой экономики, или, что, на мой взгляд, более продуктивно, в социокультурных особенностях российского общества (будь то специфика перехода к "третьему глобальному циклу", как у А. Ахиезера [Ахиезер, 1997], или этакратизм, как предлагается в данной монографии). Важнее, по-моему, провозглашенное в книге расхождение между декларируемой и реально проводимой (и фактически принятой обществом) социальной политикой. Этот тезис заслуживает серьезного обсуждения особенно сегодня, когда правительством взят курс на социальные реформы (ЖКХ, образования, здравоохранения), призванные прекратить распыление средств, связанное с социальной политикой "выживания", и перейти к адресной поддержке наиболее обездоленных, по сути – к снятию расхождения между декларациями и реальностью за счет резкого сужения круга получателей социальной поддержки. В свете концепции авторов монографии представляется целесообразным вновь оценить опасности, связанные с их проведением (причем кроющиеся не только в их концептуальной проработке, но и в ожидаемых дефектах реализации), ибо они по сути разрушают всю социальную конструкцию "стабильности", выстроенную в предыдущее десятилетие. Учитывать это тем более важно, что именно на стабилизации общества обычно делается акцент при анализе достижений первого срока президентства В. Путина.

Между тем предлагаемые сегодня обществу реформы несут в себе существенные качественные изъяны. Во-первых, бросается в глаза чисто инструментальный, более того – чиновничий подход к решению социальных проблем. При таком подходе мы вновь можем оказаться в ситуации, о которой говорится в монографии, применительно к предыдущему периоду: «...понимание сильной социальной политики как основной функции государства *при одновременном отсутствии институтов гражданского общества* (курсив мой. – Н.П.), способных заставить государство эту функцию выполнять, сыграло в годы реформ с россиянами злую шутку, оставив их совершенно

³ Подробнее об этом см. [Шкаратан, 2004^а; 2004^б].

беспомощными перед государством, вдруг отказавшимся платить по своим "социальным" долгам собственным гражданам» (с. 445).

В такой ситуации отсутствия действенного гражданского контроля люди, с одной стороны, пребывают в твердом убеждении, что "реформы" сводятся только к тому, чтобы переложить на их плечи всю нагрузку по оплате ранее "бесплатных" услуг. С другой стороны, непродуманные (или даже обусловленные корыстными мотивами) действия соответствующих служб, создание для населения дополнительных сложностей, например, при получении обусловленных законом денежных компенсаций, неверно рассчитанные пороги доходов, дающие право на эти компенсации, и т.п. приводят к росту недовольства и даже к стихийным выступлениям, что разрушает ту самую пресловутую стабильность.

Во-вторых, бюрократический вариант социальных реформ на деле позволяет свести их лишь к перераспределению долей в оплате социальных услуг между населением и государством, оставляя в стороне необходимую *структурную перестройку* соответствующих отраслей. А ведь именно эта часть реформирования социальных отраслей является для них жизненно необходимой, ибо как материально-вещественная, так и управленческая структура данных отраслей была у нас неразрывно связана со всей советской системой хозяйствования. Она рухнула вместе с этой системой, и ситуацию можно охарактеризовать словами Л. Якобсона, говорившего лишь о системе образования, но подметившего суть проблем, стоящих перед всей социальной сферой: "Поскольку иная целостность не возникла, в каком-то смысле *системы... сегодня не существует вовсе*, ее элементы рассыпались" [Якобсон, 2003, с. 22].

Однако предлагаемые обществу варианты реформ в большинстве своем грешат как раз пренебрежением структурной составляющей и акцентом на увеличение доли населения в финансировании социальных услуг. Об этом говорит, в частности, анализ проблем, связанных с проведением реформы жилищно-коммунального хозяйства, которые вновь принятое законодательство о местном самоуправлении не только не смягчило, но, напротив, усугубило [Либоракина, Сиваев, 2004].

Еще один ярчайший пример – предложения бывшего министра здравоохранения РФ Ю. Шевченко. Как известно, сегодня граница между платным и бесплатным здравоохранением оказалась размытой, больные *de facto* вынуждены оплачивать врачам услуги, уже оплаченные и из бюджета, и из фондов обязательного медицинского страхования, фактически превратившихся во второй бюджетный поток, не имеющий ничего общего со страховыми выплатами. Для "нормализации" положения предлагается "легализовать соплатежи в момент потребления медицинских услуг. Это означает, что при каждом обращении к врачу пациент должен будет открыто заплатить некоторую сумму". Это якобы "позволит обеспечить построение четкой системы государственных гарантий, создавая равные условия для граждан всех субъектов Российской Федерации" [Шевченко, 2001, с. 13–14].

Разумеется, в деле финансирования медицинских услуг необходимо наведение порядка. И очевидно, при существующем недостатке финансирования нельзя обойтись без точных расчетов: что государство может сегодня профинансировать, а что – нет. Необходимо и четкое выделение сферы платной медицины. Но на основе сложившейся в 1990-е гг. платно-бесплатной системы нормальное развитие отрасли, на мой взгляд, невозможно. Предложения же самим больным легально доплачивать в кассу медицинского учреждения некоторую сумму за лечение, может быть, и будут способствовать унификации легального тарифа по всей стране, но отнюдь не избавит больных от необходимости нелегально доплаты лично врачу, для которого давно уже привычен именно такой вид оплаты его услуг (как, впрочем, привычен он и для пациентов). Таким образом, вся "реформа" сводится к тому, что вместо существующей сейчас двойной оплаты за лечение (налоги и взносы в фонд обязательного медицинского страхования плюс нелегальная оплата услуг врача) добавится еще один вид платежа – легальная "доплата" за услуги государственного здравоохранения. При том, что такая "реформа" не отвечает ни одному из формулируемых требований к рефор-

ме отрасли, в которой остаются "низкой эффективностью использования ресурсов, несовершенство системы управления, плохое качество медицинской помощи, что определяется отсутствием у медицинских работников мотивации к увеличению объемов и качества медицинских услуг" [Стародубов, 2004, с. 506].

Такой подход к реформе здравоохранения не только вызывает протесты населения. По сути, он губителен для самой отрасли, ибо лишь консервирует чрезвычайную ситуацию, сложившуюся в условиях недофинансирования 1990-х гг. и не открывает возможностей для развития, в том числе и на базе страховой медицины. А оно в рыночных условиях возможно лишь при реальной конкуренции множества юридически и экономически независимых производителей. Причем таковыми вполне могут быть не только частные медицинские предприятия, но и отдельные государственные медицинские учреждения либо даже отделения крупных клиник. При этом важно четко разделить бесплатную, финансируемую из бюджета медицину от платной (безразлично – государственной или частной) [Акопян, Шиленко, Юрьева, 2003].

Помимо прочего, только на этой основе *четкого разделения платной и бесплатной медицины* возможно развитие частного сектора в здравоохранении. Сейчас же, фактически перехватив его функции, государственная "платно-бесплатная" медицина задушила медицину частную, которая не может быть конкурентоспособной в условиях, когда государственные медицинские учреждения предлагают цены за свои услуги с учетом того, что издержки по их оказанию в существенной мере уже оплачены из государственного бюджета или из фонда обязательного медицинского страхования. Как отмечают некоторые медики, структурная реформа отрасли, основанная на предоставлении юридической самостоятельности нынешним отделениям клиник и т.п., не предполагает ни смены форм собственности, ни перехода к преимущественно платным услугам, чего так боятся люди, но позволит навести финансовый порядок в отрасли, просчитать, сколько реально стоит та или иная услуга, а значит, перейти от проблем выживания к проблемам эффективности и развития [Акопян, 2002; 2003].

Если же подобного рода преобразования, направленные на повышение эффективности функционирования отраслей социальной сферы, будут саботироваться, государству никогда не хватит средств для достойного содержания этих отраслей, а значит, и для оказания ими качественных услуг населению. При этом нельзя забывать, что называемое нами "неэффективностью" весьма часто означает лишь условия для получения теневых доходов как непосредственными производителями соответствующих услуг, так и "курирующих" данные направления чиновниками различных уровней. Поэтому столь опасны реформы социальной сферы при отсутствии действенного гражданского контроля за их реализацией.

Такого рода "реформам" не поможет даже существенное увеличение финансовых потоков, направляемых в социальную сферу. Причем, как можно предположить, государство рассчитывает в деле финансирования социальной сферы на помощь крупного бизнеса. Ведь в последнее время сигналы о согласии на это подают, например, такие непохожие друг на друга и столь по-разному мотивированные олигархи, как О. Дерипаска и М. Ходорковский. Дерипаска призывает, чтобы "крупный российский частный капитал в гораздо большей степени, чем сейчас, работал на интересы общественного развития" [Дерипаска, 2004]. Ходорковский озабочен тем, что в 1990-е гг. так и не занялись реформами образования, здравоохранения, жилищно-коммунальной сферы, адресной поддержкой малоимущих и неимущих, соглашается с мерами государства по усилению налоговой нагрузки на сырьевой сектор [Ходорковский, 2004].

Однако глубокие преобразования социальной сферы, в результате которых выгоду от реформ получит большинство населения, возможны, на мой взгляд, лишь на базе глубокой структурной перестройки этих отраслей и коренной модернизации управления ими. А такие изменения нереально осуществить сугубо аппаратным, бюрократическим путем, ибо они затрагивают насущные финансовые интересы конкретных чиновников (и связанных с ними бизнес-структур), привыкших извлекать максимум выгоды из проходящих через их ведомства государственных финансовых потоков. Не

случайно поэтому и Дерипаска говорит об общественном контроле как о необходимом компоненте реформ, а Ходорковский призывает "создавать настоящие структуры гражданского общества" [Ходорковский, 2004]. Об этом же, как было отмечено выше, говорят и авторы анализируемой книги. И тем серьезнее опасности, связанные с переходом от социальной политики, нацеленной на стратегию "выживания" большинства, к социальной политике, ориентированной на поддержку лишь наиболее незащищенных слоев населения. Учитывать их тем более важно, что, как отмечал Л. Гордон, люди реагируют не только на материальные тяготы, но и на тяготы социально-психологические, к каковым, бесспорно, относятся и отмена привычных льгот. Причем реакция на социально-психологические лишения часто бывает иррациональной и непропорционально большой [Гордон, Клопов, 2000–2001].

Думается, при решении социальных проблем, стоящих перед страной, необходимо перейти от узкой, связанной лишь с формами оказания социальной поддержки, к широкой трактовке социальной политики. И в этом рассматриваемая монография также дает обильную пищу для размышления. Ее авторы, опираясь на вышеупомянутый тезис об этакратической сущности российского социума, полагают: "На данном этапе существования России только государство может обеспечить справедливое и общественно приемлемое распределение выгод от рыночной экономики. Как минимум, для этого нужны: реализация закона о прожиточном минимуме, устраняющего массовое обнищание населения; недопущение отставания повышения пенсий от темпов инфляции; увеличение государственных ассигнований на нужды науки, здравоохранения, сферы общественных наук; государственное регулирование цен и качества медицинских услуг и лекарств" (с. 47). В такой ситуации оказываются недейственными, как показала практика начала 1990-х гг., принципы англосаксонской модели социальной политики с ее предложениями «"социальной самопомощи" или "социального самообеспечения"» (с. 12).

В высказанных соображениях есть много справедливого, особенно если учесть слабость, более того – фактическое отсутствие в стране многих институтов гражданского общества, делающих государство, по сути, единственным проводником целенаправленной социальной политики. Однако, как замечают и сами авторы монографии и о чем говорилось выше, при отсутствии действенного гражданского контроля и реальные меры государства оказываются неэффективными, многие продекларированные благие начинания сводятся на нет. Отсюда – и многие резоны либеральных критиков деятельности государства в социальной сфере.

Обычно, говоря о том, как бороться с российской нищетой, либералы используют образ рыбака, заявляя, что людям надо "дать не рыбу, а удочку", научить их самих ловить рыбу. Представляется, однако, сегодня многим нашим согражданам пока нужны и "рыба", и "удочка". И одинаково ошибочно было бы акцентировать все внимание лишь на какой-то одной стороне. Немаловажно также задуматься над тем, почему в 1990-е гг. дала сбой принятая модель трансформации общества, которая "предусматривала постепенное снижение патерналистской позиции государства и повышение ответственности населения и хозяйствующих субъектов за принимаемые решения" [Россия... 2002, с. 567]. О многих причинах этого, связанных с этакратической сущностью российского социума, сказано в монографии.

Здесь хотелось бы обратить внимание на два момента. Первый связан с самим уровнем развития российского общества как общества индустриального, с господством в его структуре крупных форм промышленности, с работой больших научно-производственных коллективов. Многие из таких высокотехнологичных и инновационных производств вполне могли бы стать конкурентоспособными и в рыночных условиях. Однако для этого им нужна была особая государственная программа поддержки, с одной стороны, дающая возможность перестроиться, но с другой – стимулирующая поиски внутренних резервов коллективов. Этого сделано не было (по недостатку ли средств у государства или, скорее, в силу сложности задач разработки конкретных программ подобного рода в условиях, когда страна оказалась на грани выживания). В

результате людям было предложено действовать по принципам *laissez-faire*, что оказалось, как правило, приемлемым не на уровне крупных и даже средних производств и коллективов, а на индивидуальном уровне.

На такой основе в начале 1990-х гг. у нас, например, получил мощное развитие "челночный бизнес", благодаря которому многие смогли выжить в новых непривычных условиях переходного кризиса. Однако ценой этого для общества, его будущего развития стали уход наиболее активных и квалифицированных людей из "замерших" или просто закрытых высокотехнологических производств, конструкторских бюро и т.п. и в целом сокращение доли этого сектора производства в ВВП. В результате не только нанесен удар по квалифицированным кадрам отечественной промышленности, науки и т.д., но и создан негативный психологический навес над идущими реформами. Ведь человек, вынужденный сменить высококвалифицированную, интересную, ранее престижную, но ставшую низкооплачиваемой работу на неквалифицированный, но более высокооплачиваемый труд, не может не ощущать внутреннего дискомфорта от такой смены вида деятельности и ее статуса.

Второй момент связан с игнорированием одной весьма существенной социально-психологической особенности российского общества как общества, прошедшего через почти вековое господство советской хозяйственной системы. В реальной советской действительности господствовали отнюдь не коллективистские формы связей людей, а *псевдоколлективизм*, прикрываемый громогласно провозглашаемыми идеологическими лозунгами. В такой атмосфере человек, попавший в сложную ситуацию, по сути, оказывался один на один со своими проблемами перед противостоящей ему чиновничье-государственной машиной. Это привело к формированию *массовых индивидуалистических стратегий поведения*, с которыми они и вошли в реформы. Причем в силу специфики своего формирования это был индивидуализм, отличный от западного. Г. Дилигенский характеризовал его как адаптационный индивидуализм слабого человека, сочетающийся с внешней демонстрацией верности официальным правилам [Дилигенский, 2000].

Таким образом, российские реформы со всеми присущими им освобождениями от старых советских запретов попали в атмосферу, где господствовали лидеры этого агрессивного индивидуализма, который уже не осуждался, но молчаливо принимался обществом (еще в советские времена о таких людях уже говорили "человек умеет жить"). Массовость подобного поведения демонстрировали не только "новые русские" или участники криминальных структур, но и представители государственных структур самого разного толка (от собирающих дань с малого бизнеса пожарных, санитарных инспекторов или милиционеров до чиновников разного типа и ранга, получающих нелегальное вознаграждение за свое действие или бездействие, депутатов, блокирующих прохождение одних законов и лоббирующих принятие других, и т.д.).

Представляется, что именно этот социально-психологический аспект стал одной из важнейших причин столь широкого распространения у нас коррупции как нравственно серьезно не осуждаемой на уровне "коллективного бессознательного", как "организмической, естественной части общественной жизни" [Баранов, 2004, с. 78, 79]. А в такой ситуации, и практика это подтверждает, оказывается невозможным эффективное развитие производства, а здоровая индивидуальная инициатива сковывается агрессивным индивидуализмом чиновничества. В результате у сотен тысяч людей, потенциально готовых взять на себя ответственность за собственную судьбу, опускаются руки, и они предпочитают требовать от государства решения своих проблем, ибо как раз государственные чиновники реально встают на пути их самостоятельности.

Поэтому, думается, одной из важнейших задач социальной политики в широком смысле является борьба с агрессивным индивидуализмом чиновничества. Кроме того, не менее важно создание условий для формирования подлинного коллективизма, без которого немыслимы здоровые институты современной рыночной экономики, где, например, силе предпринимателя противостоит сила подлинно независимого профсоюза, способного отстаивать интересы своих членов, причем в рамках правового поля,

а не теневых схем. Без формирования подлинного коллективизма немыслимо и становление сильного гражданского общества. А это, как отмечалось в книге, – условие эффективности государственной социальной политики. Как представляется, на данной платформе могли бы объединить свои усилия и государственники, и либералы. Ведь "бедность следует рассматривать, скорее, как отсутствие базовых возможностей, а не просто наличие низкого дохода, являющегося стандартным критерием определения бедности", отмечает лауреат Нобелевской премии по экономике А. Сен, для которого ключевой задачей современных развивающихся стран является "освобождение труда от явного и скрытого крепостничества, перекрывающего доступ на открытый рынок труда" [Сен, 2004, с. 107, 25].

Именно в максимальном раскрепощении человека, предоставлении ему возможностей для этого видит индийский экономист задачу государственной политики. Этот лозунг близок нашим либералам, но в то же время им полезно было бы учитывать еще одно его замечание: "Тем, кто склонен считать введение рыночного механизма лучшим решением любой экономической проблемы, неплохо бы полюбопытствовать, каковы пределы действия этого механизма" [Сен, 2004, с. 149]. Неплохой комментарий к российским реформам 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акопян А.* За что должен платить больной? // Государственная служба. 2002. № 5.
- Акопян А.* "Независимое" здравоохранение унитарного производителя // Государственная служба. 2003. № 6.
- Акопян А.С., Шиленко Ю.В., Юрьева Т.В.* Индустрия здоровья. М., 2003.
- Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1997.
- Баранов А.Н.* Метафорические грани феномена коррупции // Общественные науки и современность. 2004. № 2.
- Гордон Л., Клопов Э.* Потери и обретения в России девяностых. Историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2-х т. М., 2000–2001.
- Дерипаска О.* Преодоление неравенства – основная задача общества // Известия. 2004. 19 февраля.
- Дилигенский Г.Г.* К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.
- Либоракина М.И., Сиваев С.Б.* Местное самоуправление и реформа жилищно-коммунального хозяйства // Общественные науки и современность. 2004. № 3.
- Обзор экономической политики в России за 1999 год. М., 2000.
- Россия на пути к 2000 г. // Экспертный институт. Избранные доклады (1992–1997). М., 2002.
- Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004.
- Стародубов В.И.* Проблемы развития здравоохранения на современном этапе // Модернизация экономики России: социальный контекст. В 4 кн. Кн. 2. М., 2004.
- Тихонова Н.Е.* Феномен городской бедности в современной России. М., 2003.
- Ходорковский М.* Кризис либерализма в России // Ведомости. 2004. 29 марта.
- Шевченко Ю.Л.* Здравоохранение Российской Федерации на рубеже веков // IV Всероссийский съезд врачей. Материалы. М., 2001.
- Шкаратан О.И.* Российский порядок: вектор перемен. М., 2004^а.
- Шкаратан О.И.* Этакритизм и российская социетальная система // Общественные науки и современность. 2004^б. № 4.
- Якобсон Л.И.* Модернизация образования: от логики выживания к реинтеграции в общество // Общественные науки и современность. 2003. № 4.